

КНИГИ О НАШИХ ЗЕМЛЯКАХ

Великий мастер советского театра

Если художник хочет творить новое, творить после того, как пришла она, Революция, то он должен творить вместе с народом. Не для него, не ради него, а вместе с ним. Чтобы создать новое и одержать победу, художнику нужна Антеева Земля. Народ — вот эта земля».

Эти слова написаны одним из великих деятелей советского театра Евгением Багратионовичем Вахтанговым. Это его символ веры, той веры, которой он посвятил свою недолгую, но прекрасную жизнь. Его статья «С художника спросится», опубликованная через два года после его смерти, стала одним из программных документов нового, советского революционного театра, совместившего в себе психологическую правду и глубокую народность искусства.

Совсем недавно в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга Х. Херсонского «Вахтангов». Автор ее один из учеников Вахтангова, знавший его духовный мир, учившийся у него искусству воплощения правды жизни на сценических подмостках. Достоинство книги в том, что в ней нет обилия кавычек, сносок и комментариев, чем обычно грешат искусствоведческие книги. Взволнованный, идущий от сердца рассказ о жизни и творчестве Вахтангова, написанный живым, образным языком, захватывает читателя с первых же страниц. Доставляет огромное эмоциональное наслаждение вместе с автором проникнуть в глубины творческого облика Вахтангова, восхищаться его художественным мастерством, шаг за шагом следить за его велегким путем в искусстве.

ЕВГЕНИЙ Багратионович Вахтангов — наш земляк. 81 год назад, 1 февраля 1883 года, в семье табачного фабриканта Владикавказа Багратиона Вахтангова родился сын Евгений. Душные, тесные домашние обычаи, вечный страх перед отцом, картины дикой эксплуатации людей на фабрике. Домашняя тюрьма — так отзывался о своем детстве Евгений Багратионович.

Живой, впечатлительный мальчик рвется из дома на свежий ветер. В 19 лет он пишет рассказ «Человек», в котором изливает свою тоску по настоящей, светлой, разумной жизни. К этой жизни, так не похожей на затхлую жизнь домашнего очага, зовет молодого Вахтангова и театр, который он полюбил горячее, беззаветной любовью.

Владикавказ часто посещают артисты-гастролеры. Они вводят юношу в мир героических переживаний и страстей, в мир смелых, возвышающих душу мыслей. Особенно любил Евгений игру братьев Адельгейм. «Разбойники» Шиллера, «Кин» Дюма-отца, «Гамлет» Шекспира в исполнении Рафаила и Роберта Адельгеймов зажигают сердце юноши романтической приподнятостью,

стремлением к борьбе со злом и неправдой.

Интересно отметить, что через десять лет после того, как Вахтангова увлекла игра братьев Адельгейм, С. М. Киров, работавший в газете «Терек», пишет рецензию на спектакль «Кин», в которой также отдает должное их игре, дикции, манере держать себя на сцене, игре богатейшей в техническом отношении.

ТЕАТР захватывает юношу целиком. Ни косые взгляды и угрозы отца, ни неприязненное отношение городских властей не могут остановить его. Он создает во Владикавказе драматический кружок студентов-любителей. Под его режиссурой идут такие серьезные вещи, как «Праздник мира» Гауптмана, «Дачники» и «На дне» Горького, «Дядя Ваня» Чехова.

Здесь, во владикавказском кружке, впервые обретает себя могучее дарование Вахтангова — актера и режиссера, он впервые учится понимать великое искусство перевоплощения, показа со сцены правды жизни.

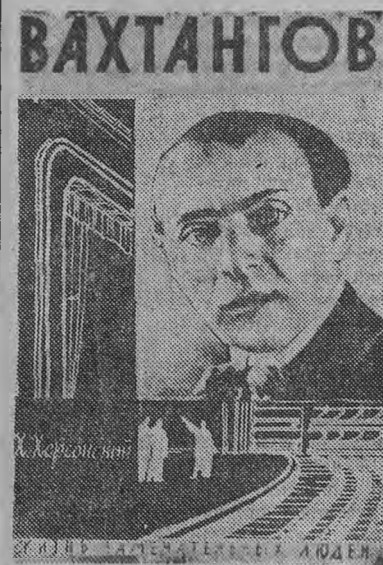
Все острее и сильнее становится разрыв с отцом. В грозные дни революции 1905 года Вахтангов в рядах демонстрантов, там, где кипят народные страсти. Он воспринимает революцию, как грозу народного освобождения, как справедливое возмездие угнетателям. А когда революция терпит поражение, Вахтангов не теряет надежд на будущее. Наряду с кипучей театральной деятельностью он пишет очерки и рецензии во владикавказскую либеральную газету «Терек».

Очень жаль, что до сих пор нет детальнейшего разбора всех статей, рецензий, фельетонов, написанных Вахтанговым для «Терека». Но и те газетные материалы, о которых пишет в своей книге Х. Херсонский, приводят к выводу, что Е. Б. Вахтангов обладал незаурядным талантом публициста. Серия очерков Вахтангова «Без заглавия» («Терек», 1907 г.), рецензия на драму О. Дымова «Слушай, Израиль», рассказ «Бутафор» несут в себе резко критическое отношение к черной реакции, охватившей Россию, говорят о героических подвигах мучеников революции. И недаром С. М. Киров, приехавший во Владикавказ в 1909 году, знакомый со старыми подшивками газеты «Терек», особенно интересуется очерками Е. Б. Вахтангова и с увлечением беседует с ним.

Херсонский ярко и интересно показывает творческий рост Вахтангова, его учебу у Станиславского и Немировича-Данченко, его настойчивые поиски новых путей театра. Горячая натура Евгения Багратионовича стремится в каждой пьесе найти правду жизни, добивается реалистического звучания. И когда в студии МХАТ в 1914 году он поставил в новой режиссерской редакции «Праздник мира» Гауптмана, зрители были увлечены психологической обнаженностью переживаний, а те, кто знал личную драму Вахтангова, увидели в затхлом мирке семьи Шольца старый дом табачного фабриканта во Владикавказе.

Не всегда удачи сопровождали творчество Вахтангова. Херсонский показывает, как в тяжелые, горестные дни первой мировой войны студия Вахтангова, заслонившись от

действительности сценическим занавесом, ушла в мир личных переживаний. И вот явился «Сверчок на печи», инсценированный по рассказу Диккенса. Мирная, тихая жизнь в четырех стенах старого дома. Поют незамысловатую песенку чайник и сверчок на печи. Это была блестящая постановка, игра обаятельных актерских талантов. Но... за стенами театра шла война, готовилась революция, и сентиментальное жужжание сверчка отвлекало от жизни, обволакивало липким туманом мешательства. Недаром Ленин уже после революции, по свидетельству Н. К. Круп-

ской, ушел со спектакля, не дослушав в возмущении сентиментальную песенку «Сверчка».

ВАХТАНГОВ сам разрушил стену, отделявшую его студию от жизни. Он безоговорочно воспринял Октябрьскую революцию, видя, что она несет освобождение театру, делает его подлинно народным. Когда хлынул в театры Великий Октябрь, Вахтангов передумывает, пересматривает свой театральный опыт. Он заново ставит «Чудо святого Антония» Метерлинка, изгоняя из нее ласковую улыбку, мягкую иронию, гневно обличая семейную лагуру буржуазии и ее приспешников. Он сосредоточивает огонь своей критики на лицемерии, стяжательстве, корыстности, нравственном уродстве буржуазии.

Вахтангов по-новому прочел Чехова. И не мирный смех и добродушную улыбку увидел он в чеховской «Свадьбе». Он ставит ее в остро сатирических тонах, вскрывая скальпелем хирурга мешанские тайны души. И раздается на сцене горький смех Чехова — гневный и бичующий.

После революции Вахтангов работает много и напряженно. Он не поддается смертельной болезни, разрывающей его организм: ведь так много надо сделать для театра. С утра до вечера Евгений Багратионович на ногах — репетиции в трех студиях МХАТ, в еврейской студии «Габима», труд по созданию Народного театра, уроки, подготовка спектакля к годовщине Октября. «И всю эту колоссальную ношу, — пишет Е. Б. Вахтангов, — тащу скрючившись по полам, скопленный своей болезнью. И не могу, не имею права хоть одно из дел оставить: надо нести то, что

я знаю, надо успеть отдать то, что есть у меня».

Тяжело больной, знающий о близкой смерти, Вахтангов совершает поистине героический подвиг: он ставит «Принцессу Турандот» Карла Гоцци — яркий, блестящий спектакль. На сцене кипит и бурлит молодость, спектакль поражает своим остроумием, музыкальностью, неистощимым весельем. «В душе разбужен Ва-

ми такой безоблачный, легкокрылый, певучий праздник», — пишет А. В. Луначарский Вахтангову после просмотра «Принцессы Турандот».

В СЮ свою жизнь Вахтангов был горячим поклонником и последователем творческой системы К. С. Станиславского. «В искусстве я люблю только ту Правду, о которой говорите Вы и которой Вы учите», — писал он в 1919 году К. С. Станиславскому. И сам Станиславский любил Вахтангова горячо и нежно. Он видел в нем величайшего режиссера и актера, творца нового театра. «Вы первый плод нашего обновленного искусства, — пишет Станиславский Вахтангову. — Я люблю Вас за талант преподавателя, режиссера, артиста; за стремление к настоящему искусству; за умение дисциплинировать себя и других, бороться и побеждать недостатки».

Х. Херсонский очень интересно и ярко показывает на ряде примеров педагогический, режиссерский талант Е. Б. Вахтангова. Главное, чему учит Вахтангов артистов: добиваться полнокровной жизни в образе героя, органически вырастить в себе такое мироощущение и миропонимание, каким живет герой в жизни. Вахтангов был беспощаден, если видел хотя бы малейшее отклонение от жизненной правды, он заставлял артистов столько раз повторять ту или иную сцену, сколько надо для полного и естественного вживания в образ.

И сам он был величайшим артистом современности. Образы Теклытона («Сверчок на печи»), Фрезера («Потоп»), Бренделя («Росмерсхольм»), фабриканта Шольца («Праздник мира») и многие другие поражают своей жизненной правдивостью, на них учились играть молодые актеры. «Раз мы ходили смотреть «Потоп», — пишет Н. К. Крупская. — Ильичу ужасно понравилось. Захотел идти на другой же день опять в театр».

Вахтангов воспитал и вырастил целую плеяду замечательных артистов советского театра. Ю. Завладский и Б. Захава, Б. Щукин и А. Ликин, Р. Симонов и С. Бирман, Ц. Мансурова, и С. Гиацинтова прошли великолепнейшую школу в студиях Вахтангова и любили своего учителя глубоко и страстно.

29 мая 1922 года Е. Б. Вахтангов скончался. Херсонский взволнованно пишет о его последних днях, о его радости, когда он узнал о блестящем успехе премьеры «Принцессы Турандот».

Творческие принципы Е. Б. Вахтангова стали знаменем театрального искусства нашей Родины. Книгу Х. Херсонского надо прочитать не только работникам театра, но и нашей молодежи, работникам культуры, всем людям, горячо интересующимся театром, жизнью и творчеством нашего великого земляка — Евгения Багратионовича Вахтангова.

Ал. КОНДАКОВ.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ОСЕТИЯ 3